

Специфика аргументационной деятельности в парламентском дискурсе

Специфической интенцией парламентского дискурса является осуществление законодательной деятельности. При этом коммуниканты, участвующие в этой деятельности, представляют различные политические силы и, следовательно, имеют разные, а порой и противоположные цели, для реализации которых необходимо привлечь на свою сторону большинство депутатов (коммуникантов, участвующих в принятии решений). В условиях публичной парламентской коммуникации основным средством воздействия на других участников общения, а значит, средством достижения своих политических целей является аргументация. На примере рассмотрения законопроектов в Государственной Думе (ГД) выявим специфику аргументационной деятельности в современной российском парламентском дискурсе. Материал для анализа – стенограммы пленарных заседаний, размещенные на официальном сайте ГД (чтобы избежать чрезмерной политизации, обратимся к деятельности Думы прошлого созыва).

Под аргументацией понимается речевая деятельность, осуществляемая аргументатором (субъектом аргументации) и направленная на то, чтобы реципиент (объект аргументации) принял аргументируемое положение (тезис) [ср.: Алексеев; Ивин]. Рассматриваемый материал показывает, что типичными приемами и способами аргументации при рассмотрении законопроектов являются обращение к авторитетному мнению, воспроизведение первичного текста и использование «плюрализма мнений».

1. «Аргументы к авторитету». Для того чтобы убедить реципиентов, участники заседаний ГД ссылаются на мнение авторитетных для аудитории субъектов, то есть используют так называемые «аргументы к авторитету». Отметим, что в политических, в том числе парламентских, дискуссиях аргументаторы, как правило, обращаются к институциональному мнению: официальная позиция институтов представляется более значимой, чем мнение частных лиц. Институциональное мнение выражается двумя способами. Во-первых, посредством *институционального голоса* [см.: Каблуков]. Это происходит в том случае, когда субъект институционального мнения и институт, представляемый говорящим, совпадают:

Комитет по бюджету и налогам <...> принял решение рекомендовать Государственной Думе принять в первом чтении проект федерального закона «О внесении изменений в главы 22 и 26 части второй Налогового кодекса Российской Федерации...» (Г.Я.Хор. 29.06.2005).

Депутат Хор выступает как зампред профильного комитета и от имени этого органа ГД рекомендует депутатам поддержать рассматриваемый законопроект. Следует отметить, что случай, когда институциональная позиция выражается посредством институционального голоса, не является классическим примером аргумента к авторитету. Здесь говорящий не просто заимствует мнение некоего авторитетного третьего субъекта. Он выражает мнение, субъектом которого является институт, в который входит и сам говорящий. Подчеркнем: в тексте не появляется элементов, передающих мнение третьего субъекта. Однако своеобразная ссылка на авторитет все же присутствует. Она выражена в институциональном голосе отправителя речи.

Второй способ выражения институционального мнения является типичным аргументом к авторитету. Итак, институциональное мнение может быть воспроизведено коммуникантом, напрямую не связанным с соответствующим институтом:

Это, уважаемые депутаты, законопроект, который поддерживается Правительством Российской Федерации, на него получен положительный отзыв Правительства России. Я это особо подчеркиваю (Н.Д.Ковалев. 2.03.2005).

Депутат Ковалев делает доклад от имени Комитета по делам ветеранов, разработавшего обсуждаемый законопроект, но в своем выступлении обращается к мнению другого института – Правительства РФ. Очевидно, что мнение Правительства докладчик считает убедительным доводом в поддержку законопроекта. Однако «вес»

институционального мнения, а значит и аргумента к авторитету, в условиях политической коммуникации зависит от идеологической позиции реципиента [ср. с *полиидеологизированной лексикой*: Федотовских: 37]. Поэтому мнение власти не является столь авторитетным для представителей оппозиции. Эта мысль была сформулирована в одном из выступлений члена КПРФ А.Е.Локотя: *Так у нас правительство сегодня поддерживает то, в результате чего народ на улицы выходит, и критикует то, что кажется нам насущным и важным для сегодняшнего дня* (12.01.2005).

2. Воспроизведение первичного текста. В процессе рассмотрения законопроекта аргументатор интерпретирует *первичный текст* [см.: Майданова: 81] и стремится показать, что данная интерпретация является верной, а образ законопроекта, созданный оппонентами, напротив, искажает реальность. Чтобы доказать это, необходимо обратиться к первичному тексту, актуализировав его в той или иной форме, и сопоставить его с предложенными вариантами интерпретаций. В результате цитирование и пересказ законопроекта используются в качестве обоснования при утверждении или опровержении аргументов, связанных с интерпретацией первичного текста:

В заключении Комитета по труду и социальной политике сделано замечание, что не определен источник и порядок финансирования. Но статья 2 законопроекта гласит: финансирование выплаты базовой части трудовой пенсии в увеличенном размере осуществляется за счет источников, из которых финансируется выплата базовой части трудовой пенсии. По-моему, все понятно (В.Б.Савостьянова. 27.05.2005).

Депутат Савостьянова сначала приводит аргумент своих оппонентов, затем в качестве опровержения воспроизводит фрагмент из текста обсуждаемого проекта. В результате происходит своеобразное столкновение двух интерпретаций одного и того же первичного текста. Но мнение В.Б.Савостьяновой является более убедительным, потому что содержит точную ссылку на статью законопроекта и воспроизведение фрагмента первичного текста. Таким образом, обращение к тексту законопроекта используется как обоснование суждения (источник и порядок финансирования определен), подтверждающего главный тезис (законопроект следует принять). Отметим, что при воспроизведении первичного текста в целях аргументации важно, чтобы в выступлении была продемонстрирована связь тезиса с воспроизводимым фрагментом. В противном случае появляется дефект аргументации, который препятствует реализации ее целей.

3. «Плюрализм мнений». При рассмотрении законопроекта также активно используется прием, получивший название «плюрализм мнений». Обращение к иному мнению создает полифоничность, которая способствует налаживанию контакта с аудиторией, в том числе с критически настроенной ее частью. В результате происходит удивительная метаморфоза: иное мнение «подчиняется» аргументатору и способствует утверждению представляемой им позиции. Названный прием используется с тремя различными интенциями:

- 1) чтобы проинформировать аудиторию о наличии иного мнения: *Вашему вниманию представляется в первом чтении проект федерального закона «О внесении дополнений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» <...> На законопроект поступили официальный отзыв Правительства Российской Федерации – отрицательный, заключение Комитета по обороне – отрицательное <...> Уважаемые депутаты Государственной Думы, прошу <...> принять проект федерального закона в первом чтении (Н.М.Безбородов. 9.02.2005);*
- 2) чтобы в дальнейшем опровергнуть иное мнение и тем самым утвердить свою позицию: *В заключении Комитета по труду и социальной политике сделано замечание, что не определен источник и порядок финансирования. Но статья 2 законопроекта гласит: финансирование выплаты базовой части трудовой пенсии в увеличенном размере осуществляется за счет источников, из которых финансируется выплата базовой части трудовой пенсии. По-моему, все понятно (В.Б.Савостьянова. 27.05.2005);*
- 3) чтобы частично принять иное мнение, соответствующим образом скорректировав свое: *Цель законопроекта – создание правовых основ применения Вооруженных Сил Российской Федерации для противодействия террористической деятельности международного терроризма <...> Комитет по обороне законопроект не поддерживает, поскольку Вооруженные Силы предназначаются только для борьбы, дескать, с международным терроризмом. Но это замечание можно учесть ко второму чтению (Н.М.Безбородов. 2.02.2005).*

В заключение отметим, что проведенное исследование выявило два экстралингвистических препятствия аргументационной деятельности, существующих в современном российском парламентском дискурсе. Первое связано с ограниченной свободой реципиента аргументации, второе – с наличием парламентского большинства, не нуждающегося в согласовании интересов с представителями оппозиции-

онных фракций. В таких условиях возможность повлиять на процесс принятия парламентских решений с помощью аргументационной деятельности существенно ограничена. Поэтому депутаты (как правило, от оппозиции) ориентированы на иной способ реализации власти: их выступления часто обращены не к коллегам по Думе, а к массовому *адресату-наблюдателю* [см.: Шейгал: 66], коммуникация с которым осуществляется посредством СМИ. Другими словами, когда борьба за законопроект становится невозможной, начинается борьба за электорат. Важно понимать, что последняя имеет смысл лишь в том случае, когда СМИ адекватно освещают парламентские события.

Литература

Алексеев А.П. Аргументация. Познание. Общение. М.: Изд-во МГУ, 1991. 150 с.

Ивин А.А. Основы теории аргументации. М.: ВЛАДОС, 1997. 352 с.

Каблуков Е.В. Формирование институционального голоса в парламентском дискурсе // Факс. 2006. № 1-2. С. 20-25.

Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург: Ин-т развития регион. образования, 1994. С. 81-104.

Федотовских Т.Г. Политический лексикон в агитационных предвыборных текстах // Факс. 1999. № 3-4. С. 36-38.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

Источник:

Е.В.Каблуков. Специфика аргументационной деятельности в парламентском дискурсе / Е.В.Каблуков // Речевая коммуникация в современной России: материалы I Международной научной конференции. Омск, 27-29 апреля 2009 г. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 126-130.